

— Здравствуйте, учитель!

Для Лили, впервые занимавшейся онлайн, это было настоящим событием. Едва закончились утренние уроки, она со всех ног бросилась в свой личный кабинет. Дождавшись, пока дворецкий настроит связь, девочка чинно уселась перед экраном и нежным, детским голоском поприветствовала наставника.

По ту сторону монитора Янь Пин открыл глаза. Он тоже не показывал своего лица, но видел послушно сложенные на коленях пухлые детские ручки с забавными ямочками на пальцах. Мужчина невольно смягчил свой обычно холодный тон:

— Не называй меня учителем.

Лили озадаченно склонила голову набок, уставившись на экран широко раскрытыми глазами:

— Но вы же учитель!

Янь Пин слегка постучал длинными пальцами по столу, на мгновение отрешившись:

— Я не беру учеников.

«Учитель на один день — отец на всю жизнь». Пускай у него и имелась слабость наставлять других, связывать себя узами наставничества он не спешил.

Служба при дворе — стезя неблагодарная и опасная. Тем более для того, чьей целью было место на самой вершине власти, где над тобой лишь один государь, а под тобой — миллионы подданных. Этот путь слишком узок, любого неосторожного здесь сокрушат в порошок.

В этой безжалостной борьбе братья становятся врагами, наставники и ученики отрекаются друг от друга, а верные друзья расходятся в разные стороны. Идущий к вершине обречен остаться в одиночестве.

Ему претила сама мысль об этом, а потому он подсознательно избегал привязанностей — не брал учеников, не заводил друзей, заранее спасаясь от неизбежного раскола, когда пути однажды разойдутся.

Впрочем, если держать дистанцию с учениками было в его власти, то с дружбой все оказывалось куда сложнее.

Всегда находились чудачки, которых не пугали ни его холодность, ни расстояния, ни лютые морозы. Они упрямо стремились быть рядом. Кому-то хватало лишь раз увидеть, как он заваривает чай, услышать, как читает стихи, или просто мельком столкнуться на улице, чтобы

в одностороннем порядке наречь его своим лучшим другом.

Человеческое сердце бессильно против чужого искреннего тепла. Достаточно мимолетного порыва, секундной слабости — и ты проиграл.

И все же в финале он неизменно оставался один. В парадном чиновничьем облачении, в расшитых сапогах он молча шел сквозь зимнюю метель, шаг за шагом удаляясь от всех, кого знал, на самую вершину.

— Но разве вы не будете учить меня рисовать? — Лили разочарованно надулась. — По телевизору всех учителей называют наставниками.

Семилетняя Лили вернулась в Страну Хуа меньше месяца назад, но уже успела страстно влюбиться в древнюю культуру своей родины. Страсть эта передалась ей от матери, Руилиан Эл — иностранки, которая души не чаяла в изучении традиций Страны Хуа.

Именно благодаря этому увлечению Руилиан когда-то познакомилась с отцом девочки, Янь Фэном. Они поженились, вырастили двоих сыновей, а спустя целых двадцать лет судьба сделала им щедрый подарок — на свет появилась долгожданная дочка.

Янь Пин не стал вдаваться в долгие объяснения.

— Зови меня просто господином.

Лили мгновенно повеселела:

— Хорошо, господин! Меня зовут Янь Ли, а по-английски — Дария Эл. Вы можете звать меня Лили.

— Хорошо, — кивнул Янь Пин и начал первый урок.

Живопись кажется простой лишь на первый взгляд. На деле же это сложнейшее искусство, требующее не только твердости руки, но и особой душевной зрелости.

Голос Янь Пина идеально подходил для долгих, размеренных лекций. В его тембре слышался то журчащий лесной ручей, то холодный лунный свет, скользящий по заснеженным вершинам. Когда он желал, его низкий, прохладный голос теплел, обволакивал умиротворением и заставлял ловить каждое слово.

В изящно обставленной комнате сидел мужчина, сосредоточенно склонившись над бумагой. Мягкий дневной свет лился из окна, подсвечивая его тонкие, длинные пальцы, сжимающие кисть, и очерчивая сухое, сильное запястье.

Его негромкий, вкрадчивый голос звучал в тишине пустой комнаты. Объяснения были предельно ясными, а время от времени Янь Пин разбавлял сухую теорию удивительными историями и преданиями из прошлого. Это не давало заскучать и помогало уловить самую суть предмета.

Время от времени его рассказ прерывался восторженными детскими возгласами из динамика: «Ого!» или «Надо же!», внося живую струю в строгую атмосферу его кабинета.

Янь Цзюнь, который подошел к дверям детской с намерением проконтролировать процесс, сам не заметил, как заслушался.

К концу занятия малышка Лили светилась восторгом. Она даже не заметила, что, впервые взяв в руки традиционную кисть, успела извозиться в туши и теперь напоминала забавного пестрого котенка.

Рассказы о древних тайнах, погребенных под пылью веков, увлекли ее без остатка. Под этот бархатный голос она мысленно переносилась в иные эпохи, созерцая уединенные монастыри, бескрайние просторы первозданных земель и величественные поля былых сражений.

Сощутив от счастья глаза, девочка спрыгнула со стула, сбегала за своим большим пузатым стаканом и, вернувшись к камере, сделала несколько глотков. Не забыв о вежливости, она ласково пролепетала:

— Господин, вы тоже попейте водички!

Янь Пин отложил кисть, сходил за стаканом воды и вернулся к столу. Приятное чувство удовлетворенного наставнического тщеславия вызвало у него легкую улыбку.

«А девчонка на редкость послушная».

В будни, поскольку Лили ходила в школу, Янь Пин занимался с ней по полчаса в обед и вечером. По выходным уроки длились по часу утром и во второй половине дня. Нагрузка была пустяковой, а платили щедро, так что он с удовольствием делился с девочкой мудростью, расширяя ее кругозор и исподволь закаляя характер.

Янь Цзюнь, подпирая плечом дверной косяк, рассматривал силуэт на экране. Лица загадочного учителя видно не было — лишь плечи и руки, но парень невольно подумал, что этот человек совсем не похож на того пугающего типа из слухов.

Медная деревня

После полудня на заборе у здания второй начальной школы вновь разлеглась черная кошка. Янь Пин лениво помахивал хвостом, краем уха слушая бубнеж учителя в классе, а сам вовсю следил за трансляцией, которую показывала Система. Умение делать два дела одновременно здорово экономило время.

В Медной деревне вовсю шла жатва. Семьи спозаранку отправлялись в поле с серпами наперевес. Даже пятилетние малыши копошились среди колосьев, собирая оброненные зерна.

Вэнь Цзянь, который больше месяца кормился здесь исключительно охотой, сегодня тоже встал ни свет ни заря. Прихватив серп, он отправился на надел Ли Эрчжу, чтобы помочь с уборкой риса.

Крестьяне торопились убрать урожай, пока стояли погожие дни, идеальные для сушки зерна. Вся деревня трудилась без сна и отдыха. От такого изнурительного марафона даже Вэнь Цзянь — закаленный воин, с пятнадцати лет ходивший в походы, — едва держался на ногах. Тот скромный вес, что он успел набрать за последнее время, сошел с него в первые же дни страды.

Но семейству Ли Эрчжу приходилось еще солонее. И без того худые и замученные, трое сирот теперь выглядели краше в гроб кладут, а их кожа потемнела от солнца еще сильнее. К счастью, благодаря дичи, которой Вэнь Цзянь подкармливал их весь этот месяц, у них хотя бы оставались силы двигаться. Прежде после каждой жатвы они непременно слегали с тяжелой лихорадкой.

Вэнь Цзянь сочувственно похлопал Ли Эрчжу по плечу. Теперь-то он понял, почему этот парень, бывший моложе его самого лет на десять, выглядел глубоким стариком. Тяжкое бремя забот согнуло его спину, а все жизненные силы уходили лишь на то, чтобы не дать брату и сестре умереть с голоду.

Провозившись в поле с рассвета до полудня, они наконец-то сели перекусить. Сваренная на скорую руку каша из неочищенного риса нещадно драла горло, но выбирать не приходилось — нужно было хоть чем-то набить пустые желудки.

В последнее время, не считая редких дней, когда удавалось раздобыть мясо, их рацион состоял из батата и жидкой похлебки с дикими травами. От такой еды только мучила изжога, а сытости не прибавлялось вовсе.

Крестьянский труд давался генералу с трудом, но выручали охотничьи навыки. Конечно, одним мясом сыт не будешь, поэтому он время от времени менял добычу у односельчан на крупу. Обмен выходил неравным — зерно ценилось на вес золота.

Как бы крестьяне ни тосковали по жирному куску дичи, хлеб насущный оставался для них единственной гарантией выживания.

Наскоро пообедав и перебросившись парой слов, мужчины снова побрели под палящее солнце.

«До чего же горькая доля...»

Но тут же Вэнь Цзянь поймал себя на мысли, что эта простая жизнь без интриг, заговоров и вечной борьбы за выживание при дворе имела свою особую, чистую прелесть.

Когда экран погас, Янь Пин лениво перевел взгляд на школьный класс.

Он наблюдал за Вэнь Цзянем изо дня в день. Видел, как тот прячет былую гордость, пускает корни в этой глуши и постепенно сливается с местными крестьянами. И, разумеется, он замечал, какие глубокие шрамы на душе пытается скрыть его подопечный.

Этот человек был Вэнь Цзянем — и одновременно кем-то совсем другим.

Настоящий генерал Вэнь Ланъи мог быть грозным военачальником, лихим гулякой, покорителем женских сердец или утонченным поэтом в широких одеждах, чей дерзкий взгляд выдавал незаурядный ум. Тот, кого Янь Пин когда-то оберегал и кому позволял жить в полную силу, не должен был влачить жалкое существование, сгорая изнутри от глухой тоски и одиночества.

Что же сломало его? Что заставило так отчаянно прятаться от мира?

Раздался звонок с последнего урока. Страхнув оцепенение, кот потянулся, спрыгнул с забора и неспешно зашагал прочь.

Рядом со школой располагался детский сад. Позади него уже толпились ученики постарше. С важным и взрослым видом они забирали своих младших братьев и сестер, чтобы чинно отвести их домой.

В этой пестрой суеде выделялась группка из пяти-шести ребят. Они бережно вели за руки малышей, но двигались не к выходу, а вглубь школьного двора.

Заметив это странное движение, Янь Пин замер на каменном парапете. Дети подошли к раскидистому дереву у стены школы. На краю бетонной клумбы восседали двое: мальчик лет восьми и маленькая девочка.

Одеты они были на диво нарядно, а их головы венчали сверкающие пластмассовые короны. С гордым видом маленькие «монархи» вещали что-то обступившей их детворе.

Не усмотрев в этом ничего подозрительного, Янь Пин спрыгнул на землю и побежал в сторону дома.

А у дерева тем временем разворачивался важный разговор. Девочка в короне повернулась к

одному из подошедших:

— Ван Юй, почему ты не привел брата?

— Он приболел, сегодня даже в садик не ходил, — смущенно почесал затылок Ван Юй.

— Вот досада, — надулась девчушка. — Через пять дней обязательно приведи его. Иначе тебя не допустят к рыцарскому турниру!

— А зачем для турнира нужен младший брат? — искренне удивился Ван Юй.

— Глупый! Настоящий рыцарь должен быть не просто сильным и храбрым, но еще добрым и заботливым. Твой брат — это доказательство твоего благородства! Только так ты сможешь завоевать звание лучшего рыцаря первой начальной школы! — авторитетно заявила девочка.

— Ладно, через пять дней я точно его приведу.

Дети переглянулись, едва скрывая ликование. Наказ старухи Ли они выполнили на отлично.

Ночью Инь Хун, которого уже давно выписали из больницы, лежал в своей постели и безучастно смотрел в потолок. Сон не шел, в голове роились тяжелые, путанные мысли.

Дверь тихонько скрипнула. Сюй Яньчжоу просунул голову в комнату и лишь затем чисто символически постучал по косяку:

— Не спишь еще?

— Не спится, — вздохнул Инь Хун, поворачивая голову к гостю. Его загипсованная правая нога была подвешена на специальной растяжке у самого края кровати.

— Ты сам не свой с того злосчастного дня, — Сюй Яньчжоу прошел в комнату и присел на край матраса. — Дядя с тетей места себе не находят от беспокойства.

Инь Хун долго молчал, прежде чем глухо произнести:

— Если бы я тогда прибежал на минуту раньше... Или если бы еще в самом начале, когда этот ублюдок проходил мимо меня, я не струсил и попытался его остановить... Может, та девушка осталась бы цела?

Сюй Яньчжоу помрачнел. Пострадавшая девушка получила тяжелейшие травмы головы и сейчас лежала в реанимации в глубокой коме — врачи не давали никаких гарантий.

Помолчав, он твердо ответил:

— Ты ни в чем не виноват, и не смей называть себя трусом. Страх — это естественный механизм самосохранения, твой мозг просто пытался спасти тебе жизнь. Настоящая храбрость — это не отсутствие страха, а способность преодолеть его в нужный момент. Тебе просто понадобилось чуть больше времени, чтобы справиться с шоком. Это не преступление, прекрати изводить себя чувством вины.

— Думаешь? — с надеждой спросил Инь Хун.

— Уверен, — Сюй Яньчжоу легонько щелкнул пальцем по гипсу. Друг поморщился от легкой боли, и на лице гостя появилась теплая улыбка. — Твоя медаль за отвагу всегда при тебе. Никто не вправе судить тебя, кроме тебя самого.

Инь Хун посмотрел на свою ногу и вдруг рассмеялся. Тяжелая тень, терзавшая его душу, мгновенно рассеялась.

— Решено. После школы я буду поступать в военную академию.

— С твоими-то отметками? Сомневаюсь, что пройдешь, — безжалостно осадил его Сюй Яньчжоу.

— Эй, полегче на поворотах! Ты меня недооцениваешь!

— Ну конечно. Как можно недооценить то, чего нет? — парировал Сюй Яньчжоу, состроив самую невозмутимую гримасу.

— Ладно, проехали, — Инь Хун поспешно перевел разговор на другую тему. — Слушай, а того паренька, сына мясника, правда похитил тот маньяк?

Сюй Яньчжоу охотно поддержал смену темы:

— Пусть об этом у копов голова болит. Надо верить нашей доблестной полиции.

— Фу, ну и пафос! Меня аж передернуло от твоих речей.

— Да иди ты!

Мальчишки еще долго болтали и смеялись, разгоняя ночную тьму и отгоняя остатки затаившейся грусти. Впереди их ждала юность — время, когда нужно жить на полную катушку и ни о чем не жалеть.

<http://bllate.org/book/18369/1862587>